

Коронавирусный кризис и его последствия для экономики

Олег В. Буклемишев¹

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, 199911, Россия*

Получено 7 April 2020 ♦ Принято в печать 16 April 2020 ♦ Опубликовано 22 April 2020

Цитирование: Buklemishev OV (2020) Coronavirus crisis and its effects on the economy. Population and Economics 4(2): 13–17. <https://doi.org/10.3897/popcon.4.e53295>

Аннотация

В отличие от глобального финансового кризиса 2007–2009 гг., нынешние экономические потрясения будут более глубокими и длительными, усугубляясь эпидемиологической неопределенностью. Этот факт обусловлен главным образом спецификой кризиса с точки зрения его основных каналов передачи (через спрос, предложение, финансовую сферу и ожидания) и его вероятными последствиями, в том числе технологическим сдвигом, изменением направлений и объемов торговых потоков, корректировкой структурных пропорций и относительных цен и прежде всего социокультурными изменениями, обуславливающими усиление роли государства и углубление процесса деглобализации. В статье рассматриваются различные последствия кризиса и неопределенные перспективы восстановления экономики.

Ключевые слова

COVID-19, финансовые кризисы, восстановление, антикризисные меры, шоки кризиса, гистерезис, посткризисное состояние экономики, деглобализация

Коды JEL: E20, F01, F60, G01, H12

Самым грандиозным событием последних десятилетий в мировой экономике явился, безусловно, глобальный финансовый кризис 2007–2009 гг. Тогда совместных, хотя и во многом неортодоксальных, усилий ведущих держав, сопровождаемых массивными денежными вливаниями, оказалось достаточно, чтобы успокоить рынки, восстановить нормальное функционирование платежно-кредитной системы и заново запустить застопорившиеся на некоторое время механизмы глобального хозяйства. Несмотря на серьезные регуляторные изменения, которые затронули в основном условия деятельности финансовых компаний, мировая экономика довольно быстро вернулась практически в прежнее состояние и даже возобновила умеренный рост.

Экономическое восстановление, по форме напоминавшее скорее латинскую букву V, нежели U, стало весомым подтверждением «спонтанности» кризиса (который в ко-

нечном счете был объяснен «извращениями» в финансовой сфере), а также свидетельством правильности использованных мер. Единственным, пожалуй, символическим и тревожным напоминанием о кризисных потрясениях остались раздутые балансы и низкие процентные ставки ведущих центральных банков мира. Несмотря на общую нормализацию ситуации, они были так сильно напуганы нарративом про «вековую стагнацию», что так и не смогли свернуть начатую в кризис политику «количественного смягчения» (массированной скупки на рынке государственных ценных бумаг, а по сути, «печатания денег»). Кроме того, центробанки также не осмелились повысить до докризисных уровней процентные ставки, которые застряли в области слабоположительных, а то и отрицательных значений. Регуляторов тоже можно было понять — их прежний «демон» инфляция по факту прекратила представлять собой сколько-нибудь серьезную угрозу, так что формального повода для ухода от низких ставок, которые были удобны и заемщикам, и финансовым рынкам, и политикам, не нашлось. Более того, «автор» неортодоксального пакета мер, глава ФРС в 2006–2014 гг. Б. Бернанке, выступая в начале текущего года [Bernanke, 2020], дал понять, что эти меры теперь представляют собой «новую нормальность» и должны использоваться впредь.

Но спокойному поступательному развитию мировой экономики по сложившемуся за посткризисные годы тренду, по всей видимости, пришел конец. Мы имеем дело уже не с резким срывом прошлого кризиса, когда зарожденный в финансовой сфере шоковый импульс передался реальному сектору экономики, а с принципиально другим типом кризиса. Воздействие, оказываемое коронавирусной эпидемией, сейчас будет таким сильным и тотальным, что социальная и экономическая система осуществит «квантовый скачок» сразу во многих областях жизни и возврат в прежнее состояние будет уже невозможным.

Хотя всплески пандемий предыдущего столетия («испанка» 1918 г., азиатский и гонконгский грипп 1958 и 1968 гг., SARS 2002 г.) характеризовались в основном V-формой посткризисного восстановления экономики [Szlezak, Reeves, Swartz, 2020], особых надежд на то, что ситуация повторится и на этот раз, нет. Одной из предпосылок для данного вывода служит специфика протекания данного кризиса, другой — его вероятные последствия.

Каналы коронавирусного кризиса

Эффекты экономических кризисов обычно транслируются посредством четырех основных каналов: канал спроса, канал предложения, финансовый канал и канал ожиданий [о различных каналах см., в частности, UNCTAD, 2020].

Канал спроса в данном случае будет транслировать сочетание таких процессов, как общее падение доходов и потребительской активности. Подавление расходов произойдет в том числе в результате принятых карантинных мер, которые резко ограничивают и примитивизируют круг потребляемых товаров и услуг. Кроме того, опасения заражения, которые могут сохраниться после окончания первой и возможных последующих вспышек эпидемии, также будут приводить к консервативной коррекции экономического и социального поведения людей. Другими словами, возвращение к предкризисной модели потребления может происходить крайне медленно, если вообще сегодня можно говорить о ее полном восстановлении. В максимальной степени пострадают туризм и индустрия развлечений, включая коммерческий спорт, фестивали, концерты

и другие массовые мероприятия, а также сфера общественного питания и персональных услуг. Сокращение рабочего времени, возможные увольнения будут, при прочих равных условиях, уменьшать расходы домашних хозяйств и усиливать экономическую незащищенность тех, кто не имеет доступа к системе социальной защиты.

Что касается канала предложения, то введенные повсеместно ограничения на перемещения людей и грузов, а также остановка производственной деятельности в наиболее пострадавших регионах приведут к возникновению узких мест в глобальных цепочках создания стоимости. Какое-то время можно поддерживать нормальное функционирование данных цепочек за счет накопленных запасов, но рано или поздно они иссякнут. Тогда многие предприятия вынужденно закроются, нанося удар по поставщикам, потребителям своей продукции и собственным работникам. В результате произойдет сокращение прибыли и заработных плат, и тем самым канал предложения переплетается с каналом спроса, и их действие взаимно усиливается.

Функционирование финансового канала передачи кризисных явлений после глобального финансового кризиса 2007–2009 гг. описано достаточно хорошо. В том числе необходимо отметить фронтальное падение и заметное увеличение волатильности рынков, отток ликвидных средств в наиболее надежные инструменты («бегство к качеству»), обесценение залогов и возникновение проблемы их восполнения, кредитные проблемы у широкого круга ненадежных заемщиков, которые лишаются возможности рефинансировать и обслуживать свою задолженность. Остановка кредитования и других каналов предоставления ликвидности частному сектору является серьезной угрозой в условиях спада экономической активности.

Отметим, что, по данным Института международных финансов [ИФ, 2020], глобальный долг в конце третьего квартала 2019 г. приблизился к 253 трлн долл., на две трети превысив показатели до начала предыдущего глобального финансового кризиса (152 трлн долл.). Текущий уровень задолженности, соответствующий рекордной величине в 322% от мирового ВВП, представляет собой важный фактор финансового риска как на микроуровне для заемщиков и кредиторов, так и на макроуровне, с точки зрения возможного образования навеса из плохих долгов и превращения рецессии в хроническую по японской модели (*balance sheet recession*) [Коо, 2011].

Наконец, можно выделить также канал ожиданий, когда домашние хозяйства и бизнес, предвосхищая кризисные события, корректируют свое поведение, дополнительно их усугубляя. Так, увеличение сбережений, делаемых индивидами исходя из «мотива предосторожности» в связи с рисками утраты источников дохода, приводит к дополнительному сжатию потребительской активности. Рост неопределенности в отношении последствий шока также приведет к сворачиванию намеченных проектов и откладыванию инвестиций, что затрудняет и замедляет окончательный выход из кризиса. В данном случае на чисто экономические процессы формирования негативных ожиданий накладываются факторы санитарно-эпидемиологической и структурной неопределенности.

Посткризисная динамика

В отличие от событий прошлого десятилетия траектория развития мировой экономики после окончания острой фазы кризиса, скорее всего, заметно изменится. Подобного рода переходы описываются нелинейной моделью гистерезиса [Belke, Göcke,

Werner, 2014], когда система не может вернуться в прежнее состояние, несмотря на то что вызвавший ее изменения импульс прекратил свое воздействие.

В данном случае нелинейный характер трансформации определяется следующими обстоятельствами.

- Технологический сдвиг. Кризисы часто стимулируют внедрение новых технологий и бизнес-моделей. Так, вспышка атипичной пневмонии в 2003 г. привела к ускорению распространения онлайн-покупок среди китайских потребителей, что способствовало быстрому росту индустрии доставки, в частности компании *Alibaba*. На этот раз опасения заразиться от наличных уже привели к скачкообразному увеличению использования в Китае бесконтактных форм оплаты, аналогичные эффекты будут наблюдаться по всему миру. Вынужденное использование в течение карантина в образовании, здравоохранении, торговле и обслуживании клиентов, а также в управленческих процедурах онлайн-технологий не может не способствовать их ускоренной адаптации, на которую в ином случае могли бы уйти годы. Разумеется, мы не ожидаем тотального перехода на дистанционные форматы экономических и управленческих отношений, но поиск золотой середины в бизнес-процессах каждой отрасли будет разворачиваться уже совершенно с другой начальной точки.
- Изменение направлений и объемов торговых потоков. Неравномерное восстановление экономик, транспортно-логистические пертурбации, а также стремление избежать повышенных рисков приведут к большей локализации производственных процессов и технологических цепочек, что изменит структуру международной торговли и в конечном счете страновые специализации, а также направления и объемы перемещения людей и грузов.
- Изменение ценовых и структурных пропорций. Поскольку ряд ключевых отраслей (в частности, транспорт) оказались вынуждены в значительной степени свернуть свою деятельность, ее постепенное восстановление по мере нормализации эпидемиологической ситуации в условиях изменения потребительского поведения может характеризоваться совершенно иными параметрами окупаемости и, соответственно, объемно-ценовыми характеристиками производства и оказания услуг. Следовательно, компаниям необходимо будет серьезно корректировать структуру используемых производственных активов и уровень занятости. Произойдет также изменение внутриотраслевых и межотраслевых относительных ценовых пропорций, что вкупе с технологическими сдвигами дает основание говорить о реструктуризации ряда отраслей и заметном увеличении числа банкротств с перераспределением долей рынка.
- Социально-культурные изменения. Самая сложная и труднопредсказуемая часть изменений, которая, по-видимому, в долгосрочном плане будет оказывать наиболее глубокое воздействие на все сферы жизни, касается поведения людей, их потребительских, сберегательных, коммуникативных и в целом социальных паттернов. Сейчас сложно предсказать, какими будут индивидуальные и общественные реакции на окончание периода ограничения свободы передвижения в сочетании с трансформацией экономической среды. Необходимо также учитывать, что новые экономические реалии потребуют другого количества и качества работников, возможно, кардинально отличных от предкризисного состояния, что также не может не породить острых социальных и, вероятно, политических последствий.

- Роль государства. Государство будет вынуждено принимать на себя новые функции, включая поддержание систем образования, здравоохранения и социальной защиты в новых условиях. Скорее всего, как и после предыдущего кризиса, потребуется также прямое государственное участие в деятельности ряда секторов экономики, которое может продлиться долгое время. Вырастет занятость, в том числе избыточная, в общественном секторе экономики и, соответственно, фискальная нагрузка на население и бизнес.
- Политическая деглобализация. Структурные изменения в мировой торговой системе будут усиливаться в результате политического тренда на защиту национальных интересов и укрепление национальных границ. Значение трансграничных проектов и международного сотрудничества в экономической сфере в этих условиях снизится, с ростом безработицы и нагрузки на социальную систему международная миграция, включая трудовую, вновь будет сворачиваться.

Заключение

Сегодня с высокой уверенностью можно утверждать, что, войдя в экономический кризис, мир в очередной раз выйдет из него не в прежнее место, а в совершенно иную точку. Детальные характеристики новой социально-экономической реальности пока неочевидны, можно очертить лишь ее общие контуры. Несомненно, имеет смысл начать обсуждение будущего состояния социальной и экономической среды, с тем чтобы без промедления приступить к выработке политики, направленной на преодоление негативных последствий кризиса после того, как его острая фаза останется позади.

Литература

- Belke A., Göcke M., Werner L. (2014). Hysteresis effects in economics: Different methods for describing economic path-dependence. Ruhr-Universität Bochum, Department of Economics Imprint.
- Bernanke B. (2020). The New Tools of Monetary Policy, American Economic Association Presidential Address, January 4.
- IIF (2020). Global Debt Monitor. Washington, January 2020.
- Koo R. (2011). The world in balance sheet recession: causes, cure, and politics. *Real-world economics review*. 58: 19–37.
- Szlezak P.C., Reeves M., Swartz P. (2020). What coronavirus could mean for the global economy. *Harvard Business Review*, March 03, 2020. URL: <https://hbr.org/2020/03/what-coronavirus-could-mean-for-the-global-economy>.
- UNCTAD (2020). A coronavirus shock: A story of another global crisis foretold. March 9 URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/gds_tdr2019_update_coronavirus.pdf.

Сведения об авторе

- Буклемишев Олег Витальевич, к.э.н., заместитель декана, доцент экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: o.buklemishev@gmail.com